

ГЛАВА 1

Управляющий приват-клубом «Занзибар» Сергей Литвинов подбирал мебель в свой рабочий кабинет долго. Он перерыл много рекламных проспектов, пока не выбрал вот этот. Стильная, кожаная... Правда, пришлось столкнуться с сопротивлением дизайнера, руководившего оформлением кабинета. Но, как говорится, клиент всегда прав. В смысле, заказчик. То, что он задел какие-то там эстетические струны в душе художника, его волновало мало. Хочешь иметь заказы — не выделывайся и прислушивайся к мнению заказчика. Причем такого дорогого заказчика.

Кресло-качалка, как он его называл, Литвинову очень нравилось. Он считал его гениальным изобретением. Это было не обычное и всем хорошо знакомое кресло на закругленных полозьях, нет, это было современное, высокотехнологичное изделие, несравненно

более комфортное. Оно почти ничем не отличалось от остальных кресел мягкого офисного гарнитура, но спинка и сиденье были изготовлены с максимальным удобством для спины сидящего. А какие-то там шаровые соединения позволяли этому чуду техники качаться с плавностью и мягкостью просто усыпляющей. И как не хотелось из него вставать...

Новая официантка Ольга не обманула. Хотя Литвинов и не сомневался, что из той высокой и не очень привлекательной девушки, что явилась к нему три дня назад, можно сделать конфетку. Короткая юбка подчеркивала длину ног... да и форма их была вполне симпатичная. Бесформенная грудь сегодня приподнята хорошо подобранным бюстгалтером и даже вполне аппетитно выглядывает в вырезе блузки, выставляя на обозрение ложбинку, а профессионально выполненный макияж сделал из той простушки, что появилась тут недавно, вполне привлекательную особу. Манеры и опыт девушки Литвинов оценил еще во время первой их встречи, они были важнее внешности, хотя в приват-клубе официантки должны выглядеть на высоком уровне. И Ольга сумела соответствовать.

— Ну, молодец, молодец, — откровенно рассматривая стоявшую перед ним девушку

и покачиваясь в кресле, сказал Литвинов. — Не разочаровала. Ты уж извини, что я так вот... развалившись в кресле, с тобой разговариваю. Не поверишь, я с шести утра на ногах, а сейчас уже почти десять... ноги гудят, спина отваливается...

— Знакомое состояние, — кивнула девушка, улыбнувшись одними губами. Очень профессионально улыбнулась!

— Да, да... при вашей работе, конечно, — кивнул Литвинов.

Ему нравилось, что девушка не смущается его откровенных взглядов. А взглядов в зале будет очень много. И щипков за попу или за бедро украдкой тоже будет достаточно, несмотря на то что все члены клуба знают правило — к персоналу не приставать. Для этого есть совсем другие... другой персонал. Тут все цивилизованно и на любой вкус. И девушки в зале знают, что администрация будет на их стороне, главное — не хамить и перетерпеть, а в обиду никто не даст. Главное, чтобы сами не провоцировали.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошла невысокая молодая женщина в деловом костюме. Стучаться тут было не принято. Правила хорошего тона. Стучатся там, где подразумевается, что ты можешь застать хозяина

кабинета за чем-то... предосудительным. Пережитки социалистической вежливости. Тут правила иные. Входишь только тогда, когда тебя вызвали. Или в назначенное для тебя время. Или просто имеешь право входить в этот кабинет по должности в любое время. Как вот, например, администратор зала Ирина Владимировна.

— Ну, вот она, Ирина, принимай свою крестницу!

Сухоощаая дама поджала губы и придиричиво осмотрела девушку со всех сторон.

— Хорошо, Петрякова, — кивнула она благосклонно. — Сегодня у тебя начинается испытательный срок. Ты посмотришь, мы на тебя посмотрим. Придираться к тебе никто тут не намерен. Нам позарез нужны хорошие работники. Главное — желание и старание с твоей стороны.

— Ну, все, — вальяжно махнул рукой Литвинов, — идите. И помни, Ольга, наше главное правило, о котором я тебе говорил. Сюда мужики приходят расслабляться по-мужски, со всеми своими мужскими желаниями, капризами и фантазиями. Все они заранее известны, и все тут для их реализации есть. Поэтому, даже если у тебя любовь неземная в душе воспыхает к кому-то из клиентов...

— Сергей Сергеевич, я помню, — попыталась вставить Ольга, но управляющий нахмурился и погрозил ей пальцем:

— А вот перебивать начальство совсем не рекомендую! Твое дело слушать. Так вот, даже если у тебя любовь неземная к кому-то из клиентов вспыхнет, то ни-ни! После работы занимайся чем хочешь и с кем хочешь. Но в этих стенах ты на службе! Никакой избирательности, никакого исключения. Тут ты не женщина, тут ты робот с внешностью женщины.

Почему его стало тянуть сюда, Павел Полунин не понимал. Начал задумываться, но пока не нашел ответа. Или не очень хотел его найти. Он очень часто бывал в «Занзибаре», по два раза в неделю. Иногда даже по три. Мужчина мало общался с друзьями, знакомыми, которых тут было достаточно. Статусные клиенты, приват-клуб, куда не только ограничен доступ, но и отсутствуют в средствах массовой информации и рекламе сведения о том, какого рода услуги тут оказываются.

Помимо развлекательной программы, бильярда, хорошей кухни, имелись свои небольшие уютные кинозалы, был и салон

интимного массажа, к которому Полунин, собственно, и пристрастился. Не то чтобы ему нравился кто-то из массажисток или «специалистов», как их тут называли. Они были все симпатичные, все примерно одной комплекции, была даже одна мулатка и одна кореянка, работавшая «под японку». Полунину было все равно, кто занимается его телом. Лежи с закрытыми глазами и отдавайся ласкам абстрактной женщины. В этом было что-то новое, действительно успокаивающее, независимое от внешнего мира. Это был уже иной мир.

После сеанса массажа он отправился в душ, а потом вышел в зал, на ходу поправляя воротник рубашки под пиджаком. Это был почти обычный ресторанный зал, каких миллионы по стране, со сценой, на которой сегодня выступала Светлана Незнамова, блондинка с короткими волосами и крепкой, почти атлетической фигурой, не лишенной, правда, грации и сексуальности. «Почему они все считают, что мы любим блондинок, — машинально подумал Полунин, глянув на певицу. — Я вот люблю брюнеток и почему-то от всех это скрываю. Почему?»

На этой сцене выступали и стриптизерши, ■ здесь танцевали эротические танцы во время

различных программ. Все, как в большинстве ресторанов или кабаре, только не было привычных столиков, а были мягкие диваны с очень высокими спинками, закрывавшими сидевших за низким столиком с трех сторон. И ты можешь заниматься тут чем угодно.

Полунин уселся в свою «нишу» во втором ряду, откинулся на мягкую спинку дивана и подумал: а не заказать ли чего покрепче? Заказ он оставил, еще когда только пришел сюда. Все удобно, все по часам, и персонал не маячит лишней раз перед глазами клиентов. Полунин вдруг ощутил себя здесь хозяином... или просто ему стало жарко. Он выпрямился, снял пиджак и бросил рядом на диван.

Неслышно, как тень, появилась официантка, быстро и ловко, почти без стука, поставила на столе заказ и исчезла. Полунин с удивлением увидел среди расставленной посуды и большую рюмку виски. Так, значит, он заказал его еще в самом начале? Надо же, настроение-то, оказывается, таким было с самого начала вечера... Ну и черт с ним!

Из кинозала потянулись мужики. Большинство вели за талию длинноногих девиц с распущенными волосами и в коротеньких платьях. Некоторые эти платья на себе одергивали. Полунин взял рюмку и усмехнулся.

В этом зале сейчас закончили показ первого фильма «50 оттенков серого». Полунин его видел. При всем обилии эротики он для себя ничего интересного или глубокого в этом фильме не нашел. Ему даже на второй половине фильма стало скучно смотреть. Сейчас он махнет рюмку виски и...

— Ну что? — прозвучал из пространства над головой глухой загробный голос. — Энергию девать некуда? Баб вокруг уже мало? В салон ходишь?

Полунин поднял голову и с неприязнью посмотрел на стоявшего перед ним мужчину. С неприязнью, брезгливостью и снисходительным терпением. Мужчина был высок ростом, но горбился, отчего его фигура напоминала вопросительный знак. А в близко посаженных серых глазах светились тоска и зависть. А еще мужчина был пьян до последней стадии. Он стоял пошатываясь, засунув руки глубоко в карманы брюк. Узел галстука под пиджаком был распушен чуть ли не до середины груди.

Глядеть на это зрелище было тоскливо. Даже желание выпить пропало, и Полунин отставил рюмку в сторону. Он взял стакан с соком и отпил из него большой глоток, продолжая смотреть на пьяного.

— Что молчишь, Пашка? — спросил мужчина. — Нечего сказать... А ты знаешь, что ты мне всю жизнь искалечил? Ирка, она как курица, ей все едино... А мне... мне как жить?

— Дурак ты, Леонтий, — процедил сквозь зубы Полунин и снова отпил из стакана. — Не хочешь так жить, не живи. Уйди от нее или застрелись.

— Не-ет, — покачал тот головой, — я дождусь, пока ты сдохнешь, а уж потом на твоей могилке спляшу джигу...

— Чего? — поморщился Полунин и поперхнулся...

Мужчина, стоявший перед ним, хотел ответить, но вдруг замер с открытым ртом. Полунин, сидевший на диване в одной рубашке и со стаканом в руке, неожиданно стал покашливать, тереть шею возле воротника и заметно бледнеть. Это было видно даже в стельку пьяному. Полунин попытался поставить стакан с недопитым соком на стол, но рука не слушалась, он расплескал остатки сока, уронил стакан на край столика и повалился грудью вперед, сваливая посуду на пол. Его тело сводила непонятная судорога, он корчился, рвал на груди рубашку, как будто ему не хватало воздуха. Страшно хрипя и корчась, Полунин повалился на пол...

Такое утро бывает только в начале лета, когда жара еще не успела прокалить многострадальные стены домов, асфальт улиц. Когда по утрам еще ощущается свежесть воздуха и, придя в кабинет на Житную, хочется сразу же открыть окно, впуская в духоту помещения вкусный запах утренней Москвы.

Такое настроение бывает еще и тогда, когда тебе удалось выспаться, когда ты встаешь с пониманием, что новый день не готовит тебе сюрпризов и неприятностей, что все расписано до конца недели и пойдет обычным чередом. Вчера Гурову удалось уйти домой в семь часов вечера. Он сел ужинать, слыша через открытое окно, как под ним бегают и шумят дети. И сразу захотелось чего-то уютного, простого. И Лев вымыл всю посуду, которая копилась в мойке два дня.

Чистота порадовала, но и вселила некоторую частичку вины перед женой. Маша уехала на гастроли неделю назад и просила не запускать квартиру. И вот... на второй день сломалась посудомоечная машина. А потом начала копиться в мойке посуда. Нет, жизнь определенно должна радовать тем, что иногда дает отдыхать от сюрпризов, неожиданностей разного толка и просто непредвиденных обстоятельств.

И сегодня планерка в кабинете генерала Орлова началась вовремя, что было хорошим знаком. По причине свежести утра и открытых настежь окон офицеры явились в кителях, что делало их сразу серьезными и собранными. Гуров давно заметил эту особенность своих коллег. В форменных рубашках они чувствуют себя свободнее. И шуток звучит больше, и Орлов чаще призывает не отвлекаться на планерках.

Старый друг и неизменный напарник Крячко, когда Гуров поделился с ним этим наблюдением о влиянии форменной одежды на моральное состояние коллег, ответил просто. Станислав Васильевич долго глядел на Гурова, потом притворно вздохнул и заявил, что Гуров сам даже в штатском костюме с галстуком чувствует себя не так раскованно, как в легких летних штанах и льняной рубашке навыпуск. А тут китель! Такие мысли, по мнению Крячко, могут возникать у полковника полиции лишь по причине хронической усталости и приближающегося очередного приступа маниакально-депрессивного синдрома.

— Так! — объявил Орлов. — С этим закончили! Должников прошу поторопиться с планами, потому что предупреждений и поблажек больше не будет!